

DOI: 10.25178/nit.2024.1.8

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен)

Элеонора Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет; Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация,

Гульчира Т. Гарипова

Московский городской педагогический университет; Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
Российская Федерация,

Нурсулу Ж. Шаймерденова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье исследуются литературные травелогии С. Р. Минцлова и О. Менхен-Хельфена, благодаря которым Тува в начале XX в. была открыта миру: американцам и европейцам, русским в том числе. Аналитика паттернов образа Тувы в ориенталистской оптике (корпус приемов и средств) — основная цель, которую ставят авторы статьи.

В травелогии русского писателя С. Р. Минцлова «Секретное поручение: Путешествие в Урянхай» (1915) Тува предстает как terra incognita. Отмечаются реперные точки в рецепции Тувы путешественником, которые впоследствии станут типологическими в изображении этого края: природа и быт с ритуальными артефактами, «нецивилизованность» и отличительные антропологические черты тувинцев.

Австрийский историк О. Менхен-Хельфен в своем травелогии «Путешествие в азиатскую Туву» (1931) идет по стопам С. Р. Минцлова, постигая культуру Тувы, ее будни и праздники, природу и хозяйство, ее инфраструктуру конца 1920-х гг., но с одним отличием: он, как и тувинцы, находится под бдительным контролем со стороны советской власти.

Ключевые слова: Тува; травелог; ориентализм; Сергей Минцлов; Отто Менхен-Хельфен

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Шаймерденова Н. Ж. Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 121-134. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. Адреса: 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1; 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина. Адреса: 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1; 119071, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen)

Eleonora F. Shafranskaya

Moscow City Pedagogical University; Russian State University for the Humanities, Russian Federation,

Gulchira T. Garipova

Moscow City Pedagogical University; A. N. Kosygin Russian State University, Russian Federation,

Nursulu Zh. Shaimerdenova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article explores the literary travelogues by S. R. Mintsov and O. Menchen-Helfen, through whose writings Tuva came to be known to the world in the early 20th century, to Americans and Europeans alike, including Russians.

The authors set out to analyze Tuva's image as seen through the lens of Orientalist studies (a body of techniques and approaches), which constitutes the main focus of their work. In S. R. Mintsov's travelogue "Secret Assignment: A Journey to Uryanhai" (published in 1915), Tuva is presented as a mysterious land. The article notes the reference points that informed the traveler's perception of Tuva, which would later become hallmarks of the region's image: its natural beauty and its cultural artifacts, as well as its unique anthropological characteristics that distinguish it from other cultures.

The Austrian historian Otto Menchen-Helfen, in his travelogue "Journey to Asian Tuva", published in 1931, follows in the footsteps of Sergey Mintslov by understanding the culture of Tuva, including its daily life, holidays, nature, economy, and infrastructure from the late 1920s. However, one significant difference is that, like the people of Tuva, Menchen-Helfen is under the careful watch of the Soviet government.

Keywords: Tuva; travelogue; orientalism; Sergey Mintslov; Otto Menchen-Helfen

For citation:

Shafranskaya E. F., Garipova G. T. and Shaimerdenova N. Zh. Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen). *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 121-134 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of History of Russian Literature of Contemporary Times, Russian State University for the Humanities. Postal addresses: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation; 6 Miusskaya av., 125047, Moscow, Russian Federation. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of Philology and Linguoculturology, A. N. Kosygin Russian State University. Postal addresses: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation; 1 Malaya Kaluzhskaya St., 119071, Moscow, Russian Federation. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7675-2570

SHAIMERDENOVA, Nursulu Zhamalbekovna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Director, Research Institute of Turkic and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Av., 050000, Republic of Kazakhstan, Almaty. Email: turkology.ri@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2830-8336

Введение

Тувиноведение продолжает пополняться новыми трудами, посвященными открытию Тувы внешними наблюдателями (Урянхай. Тыва ... , 2007–2008; Монгуш, 2010ас, 2012, 2014; Ламажаа, 2018, 2021b; и др.). Тем не менее для общественности за пределами республики Тува по-прежнему *terra incognita*. Как пишет Ч. К. Ламажаа, «в российских масс-медиа распространено даже представление о Туве не как о части российского государства, а как об отдельном “государстве в государстве”» (Ламажаа, 2021b: 181). Также она и ее коллеги отмечают: «Сегодня мы можем говорить о Туве как о российской территории, но, тем не менее, как об обособленной территории, о “неизвестной части” России, в том числе отчасти неизвестной и для самой России» (Тувинцы: Родные ... , 2022: 26). То же отмечают и другие исследователи (напр., Бахтикиреева, Шагимгереева, Амалбекова, 2023: 229).

Тува с момента ее «открытия» в начале XX века авторами, оставившими свои впечатления преимущественно в жанре травелога¹, описана ориенталистской палитрой. Это взгляд на иную культуру, другой мир, других людей — со стороны, с позиции *чужого*. Объект повествования — Тува — изображается в них как экзотический мир.

Аналитика того, как, какими средствами, сравнениями, аллюзиями, параллелями складывается образ Тувы в травелогах начала XX века — цель нашей статьи. Следует особо отметить, что изучение ориенталистского дискурса весьма продуктивно в современной науке, оно позволяет остраненно взглянуть на старые тексты и расставить в них новые акценты, продиктованные современностью.

Начиная с последних десятилетий XX века по сей день научный вектор в изучении ориентализма принято называть «постсаидовским», по фамилии автора книги «Ориентализм» Э. Саида (Said, 1978), а под самим ориентализмом понимать описание Востока европоцентричным человеком, взирающим на Восток и изображающим его с позиции превосходства. Как бы ни пытались оппоненты Э. Саида дезавуировать его концепцию, точку невозврата уже не преодолеть, Саид и его теория стали событием в истории научной гуманитарной мысли. Конвенционально на сегодняшний день ориентализм — это изображение *другого* в диапазоне от удивления, восхищения до презрения и осуждения (со всеми прочими разновидностями по этой эмоциональной шкале).

Для достижения цели нашей статьи намечены следующие задачи:

- рассмотреть и прокомментировать образ Тувы в оптике писателя С. Р. Минцлова; обозначить реперные точки в рецепции чужого взгляда на Туву как *terra incognita*;
- представить образ Тувы в восприятии австрийского историка О. Менхен-Хельфена;
- анализируя образ Тувы в этих травелогах, расставить акценты на его ориенталистских паттернах².

Теоретико-методологическая основа статьи — труды, посвященные изучению Тувы, ее истории и культуры (Ламажаа, 2018, 2021a; Монгуш, 2010b; Тувинцы: Родные ... , 2022; Бахтикиреева, Синячкин, 2023), аналитике травелогов С. Р. Минцлова (Четырова, Сахаров, 2023) и О. Менхен-Хельфена (Монгуш, 2010с, 2014); работа о постколониальном и деколониальном дискурсе М. Тлостановой (Тлостанова, 2020); всемирно известный труд «Ориентализм» Э. Саида (Саид, 2021), а также работы, на основе которых сопоставлены реалии Тувы и Средней Азии (Шафранская, 2016, 2019).

Объект исследования — изображенная в травелогах начала XX века Тува, рождающая в повествовании *образ Тувы*, со всей его архитектоникой, или паттернами: тувинцами, артефактами, ритуалами, бытом, устными нарративами. Предмет исследования — канонические ориенталистские коннотации образа Тувы.

Источниковая база: травелоги о Туве С. Р. Минцлова «Секретное поручение: Путешествие в Урянхай»³ и О. Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» (в переводе на русский язык)⁴.

¹Травелог — литературный жанр путешествия, очерк-путешествие.

²Паттерн — «одно из слагаемых локального текста; паттерны, принадлежащие разным топонимическим текстам, типологичны; это могут быть культурные артефакты, особенности ландшафта, климата, архитектура, гастрономический ряд, специфическая городская ментальность, имена собственные как знаки-символы культурного и исторического пространства города, городские социальные институты и проч.» (Шафранская, 2017: 22).

³Минцлов С. Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1915.

⁴Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: Антология: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. С. 220–351.

С. Р. Минцлов. *Terra incognita*

Тува попадает в нон-фикшн дискурс только в начале XX в., несмотря на более ранние исследования, легшие в основание изучения этого края (см.: Ламажаа, 2018: 41–54).

Среди первопроходцев в Туву ярко заявил себя Сергей Рудольфович Минцлов — писатель, беллетрист, посланный в секретную командировку от Переселенческого управления для осмотра и изучения Урянхайского края в 1914 г.

Накануне отъезда он писал, что перерыл решительно все, чтобы найти информацию об Урянхае, и остался в полном убеждении, что край этот неведомый в полном смысле слова¹. И ему стоит верить, ведь Минцлов был библиофилом, библиографом, коллекционером, равных ему в России не было. В 1913 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова» — опись его библиотеки для изучения русской истории, где собраны исследования Поволжья и Сибири, Кавказа и Крыма, Закаспийского края и Новороссии, Бессарабии и Эстляндии, но работ по Урянхаю не было (см.: Пильский, 2022: 23).

Ценный в этнографическом аспекте труд Минцлова, который он написал по итогам поездки в Урянхай, содержит характерную почти для всех травелогов XIX–XX вв. ориенталистскую интенцию, а собственно русские травелого о Востоке — еще и имперские обертоны. Оптика путешествующего Минцлова — русскоцентричная: мерилom «цивилизованности» чужого народа выступает поворот (во всех смыслах) в сторону России. Когда проводник сказал Минцлову, что нельзя к нойону² ехать с ружьем — может выпороть, Минцлов возмутился: такое «умаление» русского человека было для него недопустимо, оно задевало его национальную гордость³.

Почти трехсотстраничный травелог Минцлова — это взгляд чужестранца на экзотический край и людей, его населяющих. Суждения Минцлова, его наблюдения и умозаключения вписываются в классическую парадигму ориентализма, когда обозначается взгляд европейца на условный Восток. Русский ориентализм формировался в течение всего XIX в. — во времена завоевания Кавказа и Средней Азии. Например, среднеазиатский регион, или Туркестанский край, вошедший в состав Российской империи в XIX в., русскому читателю открывал писатель Н. Н. Каразин, чрезвычайно популярный во второй половине XIX в. автор (см.: Шафранская, 2019). Именно опыт Каразина, первооткрывателя Средней Азии, ощутим в повествовании Минцлова, оптика которого местами повторяет каразинскую.

Образ Тувы Минцлова складывается в первую очередь из «внешних» бытовых координат тувинского мира: деталей, бросающихся в глаза чужому, сравнивающему *другой* мир со своим привычным европейским. Такое одномерное бытовое восприятие чужого мира тоже способствует ориенталистскому акценту.

Минцлов подробно описывает дороги, которыми он передвигается по Урянхайскому краю вместе с женой и проводником, неудобные, необустроенные, в рытвинах и колдобинах. Дома, где их принимают. Гастрономический ряд угощений. Одежду богатых и бедных урянхов, их быт, их праздники, фольклор. Нельзя согласиться с Л. Б. Четыровой и А. С. Сахаровым, которые отказывают Минцлову во внимании к быту урянхов: так, исследователи, противопоставляя наблюдениям С. Р. Минцлова «женские» травелого (К. Д. Минцловой и Е. К. Верещагиной), пишут: «...в женских сочинениях выявлен интерес к бытовой жизни колонизированных народов, чего нельзя сказать про тексты Минцлова» (Четырова, Сахаров, 2023: 151).

Далее — внимание Минцлова останавливается на конкретных личностях из круга русских поселенцев — с фамилиями и должностями. Но главное, что его привлекает, — природа, суровая, красивая, с тучным миром животных и птиц. От всего, что описывает, Минцлов испытывает неподдельный восторг, изумление — от встречающихся на каждом шагу артефактов древности медного века, бронзового века... Но к его восторженному и в меру объективному описанию примешано чувство брезгливости — и к урянхам, и к тамошним русским. К первым — за их «дикость», ко вторым — за корысть (Минцлов пишет, что с кем бы он ни говорил, даже с женщинами, во всех ощущалась корысть, которая привела их в этот край⁴).

¹ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 5.

² Нойон — князь.

³ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 135.

⁴ Там же. С. 82.

Минцлов упоминает топонимы и гидронимы Тувы (Енисей, Джакуль, Элегест, Брень, Арголик, Танну-Ола и др.), рисует картину строящейся столицы (на противоположном левом берегу Енисея белели начатые постройки, валялись бревна — строился Белоцарск¹), хотя называет ее тогдашним названием «Урянхай», а тувинцев (уряных) Минцлов называет сойотами². Такова была еще не сформированная и не закрепленная система этнонимов³.

Не все тувинцы из травелога Минцлова изображены одной краской, они разные. Приведем контрастные портретные характеристики:

«Во время вечернего чая в столовой показалось новое лицо — пожилой лама в халате кирпичного цвета: проделав обычную церемонию приветствий, он расположился около стола на полу, подогнув под себя ноги. Хозяйка дала ему одну из свежих, белых булочек, горой возвышающихся перед нами; он взял ее, откусил, чавкая на всю комнату, кусочка два и сунул остаток к себе за пазуху.

Я еще в первый раз видел человека в собачьем положении, сидящего на полу и жадными глазами следящего за каждым куском, отправляемым в рот другими. Было стыдно и жалко. Но ни лама — сойотский священник, ни хозяйка, ни Габаев ничего подобного не испытывали: все было в порядке вещей, и впоследствии и я привык к нему.

Габаев вынул из портсигара две папироски и кинул ламе; тот поймал их на лету, повертел в руках, затем сунул обе сразу в рот и закурил. Сделав две-три затяжки, он бережно загасил огонь и отправил полученное вслед за булкой за пазуху.

Жесты, движения, ухватки — все поразительно напоминало обезьяну. Это впечатление не изгладилось и впоследствии»⁴.

Подобное сравнение постколониальный дискурс относит к разряду колониальных стереотипов — «дискриминирующих образов, созданных на основе традиционных культурных норм и классификаций (“чернокожие обезьяны”, “хитрые азиаты”» (Баба, 2020: 34). Американский исследователь постколониализма Х. Баба излагает концепцию колониальности как род мимикрии, когда власть в колониальном дискурсе использует стратегию управления — апроприирует «Другого, демонстрируя свою силу» (там же: 30). К слову, эти зоологические сравнения — одна из черт ориентализма, ярко проявившаяся в некоем перформансе XIX в.: вывезенных в Европу самоедов показывали со сцены⁵. Это было некоей разновидностью «реалити-шоу». Как нам видится, отсюда, из этой радикальной формы ориентализма произрастает вектор самоориентализации — черта, свойственная по сей день большинству прежде колонизированных народов: пропагандистская идентификация обернулась самоориентализацией.

Второй пример: «Нойон, молодой человек с чрезвычайно приятным, круглым лицом, весьма чистенький и опрятный, встретил нас у порога и радушно подал нам руки. Тотчас же нас усадили на стулья, перед которыми уже стоял маленький столик и стаканы с чаем; нойон поместился против нас и тоже на стуле и, улыбаясь, глядел на нас»⁶.

Минцлову этот нойон приятен, потому что он «цивилизованный»: опрятный, воспитанный, сидит как европеец — на стульях.

Кстати, Минцлов в каком-то потрясении подчеркивает специфическую позу сидения урянхов — на *корточках*: всадники-сойоты, соскакивая с коней, усаживались на корточки, закуривая маленькие трубочки и расспрашивая друг друга о новостях⁷; под деревьями сидела «на корточках вереница этих

¹ Там же. С. 74.

² Современные исследователи выделяют сойотов в этническую группу, «оторванную от материнского этноса тувинцев» (Монгуш, 2010b: 183, 190–195; Ламажаа, 2021a: 103).

³ В «Списке народностей СССР» для переписи 1926 года (опубликован в 1927 году) значится следующее: «Сойоты (сойны, туба, урянхайцы) [тувинцы]» (Хирш, 2022: 438), где в круглых скобках — синонимы, включенные в оригинальный список, в квадратных — синонимы, не включенные в оригинальный список (там же).

⁴ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 69–70.

⁵ «Плакаты сообщали, что в Вену с берегов Ледовитого океана прибыли самоеды с настоящей юртой и со своими оленями, а сопровождает их один русский» (Савицкий, 2020: 124). Кстати, О. Менхен-Хельфен пишет о связи тувинцев и самоедов: «Многие говорят, что отчасти тувинцы — это лишь отюреченные самоеды» (Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву ... С. 257).

⁶ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 234.

⁷ Там же. С. 120.

человекоподобных и угрюмо следила за всеми нашими действиями»¹; подозреваемого в преступлении сойота заводят в юрту, и он садится на корточки перед чиновником²; на корточки садятся «хемиляры»³, и еще много других ситуаций упомянуто Минцловым.

Это этнографическое наблюдение за физиологической особенностью (или кинесикой⁴) сидеть на корточках впервые в художественных текстах зафиксировал Н. Н. Каразин, наблюдавший и описавший жителей Средней Азии, — его взгляд профессионального художника сделал акцент на этой детали, несвойственной русской и европейской культуре (см. подробнее: Шафранская, 2019: 570–571). А о мучительном сидении среднеазиатов на стуле пишет мемуарист, в прошлом предприниматель (рубеж XIX–XX вв.) Н. А. Варенцов: он вспоминает о гостившем у него в имении купце из Средней Азии, которому пришлось долго сидеть на стуле — от непривычки у того затекли ноги. Когда зашли дети, в разговоре с ними гость рассказал, что в Хиве принято сидеть на полу, поджав ноги. Дети были удивлены, а гость, желая им показать на примере, вскочил со стула и уселся на ковре с довольным и счастливым лицом, и сидел так до конца визита⁵.

У урянхов тоже не было стульев. Минцлов описывает интерьер юрты, где висят над бурдюками седла, справа от входа помещается постель и посуда, а вот стульев нет. Для почетных гостей сиденьями служат раскрашенные сундучки или низенькие ножные скамеечки⁶.

Специалисты по физической антропологии следующим образом комментируют способность ряда азиатских народов сидеть на корточках: ступни сидящего плотно прижаты к земле, потому что в месте соединения голени и таранной кости (ступни) у них находится поверхность, позволяющая долго и удобно для человека сидеть на корточках на рисовых полях и базарах, а вот для большинства европеоидов это очень трудное дело. Такая «поверхность», пишут антропологи, отсутствует у людей, которым привычно и удобно сидеть на стульях (Стил, Линдли, Бландэн, 2002: 171–172). Эта антропологическая особенность объясняется также кочевым образом многовекового существования.

Минцлов неоднократно описывает святые места урянхов, называя их *авва* (в современном написании — *оваа*):

«Аввы — священные места у сойотов, на которых, как полагают они, обитают духи — властители окрестностей (Инезе). Каждый проезжающий сойот обязан прислонить свою веточку к авве или повесить против него узкую полоску тряпочки. Иногда в горах встречаются аввы в виде куч камней. Благополучный перевал через хребет, переправа через большую или опасную реку — все это знаменуется сойотом жертвой инезе — камушком, хворостиною, тряпочкой»⁷.

Описанные в начале XX в. места и артефакты тувинцев сопоставимы с аналогичными в Средней Азии; например, в Каракалпакстане на вершине зороастрийского холма-могильника Шылпык стоит трехногая геодезическая вышка, увешанная ленточками и тряпочными полосками; да и слово *авва/оваа* созвучно узбекскому *авлиё-жой* — святое место. Среднеазиатские (по нашим личным наблюдениям) и тувинские «точки», куда люди идут, по словам Ч. К. Ламажаа, «за поддержкой духов», существуют и в XXI в.: «...каменная насыпь *оваа* для водружения дерева рода <...> Установили кедр высокий, издалека видный шест с многочисленными развевающимися от ветра лентами и флагами, а все члены сбора, в том числе и дети, после этого, подобрав камни, в изобилии лежавшие здесь, добавили их для каменного *оваа*» (Ламажаа, 2021а: 45).

В разных местах путешествия русские переселенцы спрашивали Минцлова, с напряжением ожидая ответа, «Чья эта земля, наша или сойотская?» — коренной урянхайский вопрос. Единственное, что мог им ответить столичный путешественник: «Держитесь!»⁸ Совершенно очевидно, что рассказчик-путешественник взирает на просторы Урянхая как на земли, которые обязательно станут «русскими»⁹,

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 202–203.

³ Певцы горлового пения (очевидно, от *хөөмей* ‘горловое пение’).

⁴ Кинесика — совокупность жестов, поз, телодвижений.

⁵ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 152.

⁶ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 69.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Там же. С. 160.

⁹ О том, каковы итоги подобного «цивилизаторства», отраженного в литературе, см. в статьях: (Шафранская, 2020; Гарипова, Шафранская, 2023; Гарипова, Шафранская, Токарева, 2023).

однако при этом он сохраняет в себе стержень гуманиста, осуждая жестокое обращение с урянхами. Вот одна из описанных Минцловым сцен: урядник, называя урянхов поголовно «ворами и мазуриками», говорит, что всех их надо «парить». «Как это парить?» — спрашивает Минцлов. — «А вот “средствие-с” — нагайка!»¹, — был ответ.

Минцлов не осуждает такие настроения и не восторгается ими — он воссоздает типичную ситуацию имперского фронта. Стоит на этом заострить внимание: все же Минцлов в ряде фрагментов своего повествования о тувинцах сочувствует им, поэтому нельзя согласиться с исследователями² того же травелога, которые пишут: Минцлов «выказывает подчеркнутое презрение и отвращение по отношению к местным» (Четырова, Сахаров, 2023: 148), и еще в той же тональности в ряде фрагментов (там же: 151).

Схожая с минцловской ситуация — об усмирении «местных» — описана Н. Н. Каразиным — но в художественном тексте. В романе «Погоня за наживой» персонажи делятся опытом усмирения жителей Средней Азии:

«Я делаю так, — начал рассказчик: — приезжаю на станцию или, правильнее сказать, в место, где предполагается станция, и с ямщика глаз не спускаю, сторожу его, как кот сторожит мышь, что высунула в щель свою голову. Ну-с, тот, конечно, сейчас лошадей выпрягать торопится, бестия, так что сбрую рвет зубами, а я тем временем из тарантаса вон; киргиз на лошадь, а я на него; сгреб за шиворот: стой! “Эй, тюра, кой!” — значит: оставь, пусти! — “Нет, врешь, не уйдешь: лошадей!” “Ат берды”³, каналья! “Где я лошадей возьму? — плачет мошенник: — Мои совсем пристали, дальше не пойдут, а других нет, где они — я не знаю, я с той станции, не мое дело!” А я сейчас бац! Вот этим самым инструментом! — Оратор приподнял нагайку. — Вой, вой! Я сейчас опять бац! А за воротник крепко держу; не вырвется. Благим матом визжит киргиз, на всю степь заливаются, а тут сейчас и благие результаты этого концерта: из-за одного бугра лошадей ведут, из-за другого хомуты несут, колеса у вашего тарантаса снимают, салом мажут, лошадей вам запрягают, прогонов не берут, разве сами что-нибудь дадите, и с поклонами вас провожают»⁴.

Очевидно, что обе сцены, описанные Минцловым и Каразиным, говорят о гуманистической позиции авторов, не высказанной, но существующей в самом факте изображенного.

Рефреном в тексте Минцлова проходит удивление и убежденность в том, что Урянхай был высококультурным ареалом за много веков до Рождества Христова, о чем свидетельствуют часто находимые артефакты из меди и бронзы, содержимое курганов и «мочаги» — древние оросительные каналы. Культура исчезла, земледелие исчезло, им на смену пришла «дикость» кочевников⁵ — рассуждает Минцлов, склонный с детства к таинственному и мистическому, что подчеркивает знавший его критик Петр Пильский (Пильский, 2022: 7). «Путешествие в Урянхай», по словам Пильского, книга не только общеполитического значения, она содержит много любопытного о природе края, она оценена по достоинству и за границу, будучи переведенной на немецкий язык, — завершает критик свой панегирик в 1930 г. (там же: 35).

С. Р. Минцлов, автор «Путешествия в Урянхай» — представитель элитарной, духовно богатой семьи, образованнейший человек своего времени. Тем не менее он не скрывает своего высокомерия к людям, не вписывающимся в его картину мира, в его представление о цивилизации. Пожалуй, это и есть «родимое пятно» европейской культуры, не изжитое по сей день, названное до поры безобидным термином «ориентализм».

¹ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 85–86.

² Л. Б. Четырова и А. С. Сахаров, анализируя ряд травелогов, среди прочих и Минцлова, высказывают алогичную мысль, якобы «жанр травелога способствует формированию постколониальной оптики», но так происходит не всегда, пишут они, а только в том случае, когда имеет место «личный фактор» (Четырова, Сахаров, 2023: 146). К Минцлову это не имеет никакого отношения. И далее — еще более удивительное: «проза, написанная от первого лица, в филологии носит название лирической» (там же: 145), это утверждение — фактическая ошибка.

³ «Ат берды» — давай лошадей.

⁴ Каразин Н. Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э. Ф. Шафранская; отв. ред. Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. (Серия «Литературные памятники»). С. 243–244.

⁵ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 61.

Отто Менхен-Хельфен. Путешествие в Центр Азии

Статус «земли неизвестной» к концу 1920-х гг. по-прежнему сопровождает Туву, когда туда отправляется австрийский исследователь Отто Менхен-Хельфен¹. Анна Менхен, жена путешественника, вспоминает, как она решила отправить мужу телеграмму — из Австрии в Туву летом 1929 г., в день его рождения. Указав место отправления (город — Кызыл-Хото, страну — Танну-Тува), она получила отказ в отправке телеграммы: по словам телеграфиста, окунувшегося в свои каталоги в поисках страны и города, такого места не существует. Анна Менхен решила отправить телеграмму через Вену — Вена ответила аналогично. В итоге телеграмму удалось отправить с пометкой: «через Новосибирск, к северо-западу от Монголии»².

Как было «засекречено» путешествие Минцлова, так и ко времени поездки в Туву Менхена не все было прозрачно: «Москва герметично “запечатала” Туву»³, — пишет он, объясняя читателю, что Тува — это уже заграница (для СССР). Чтобы туда попасть, надо получить разрешение в ГПУ⁴, времена-то были уже советские.

Постепенно приближаясь к Туве, Менхен останавливает внимание читателя на соседях тувинцев, в частности, на хакасах. Анализируя их быт и социальные институты в исторической ретроспективе и увязывая все с современностью, Менхен приходит к экзистенциальным умозаключениям, касающимся малых сибирских народов: «...рано или поздно они все обрусееют»⁵. Говоря о колонизации Урянхайского края сначала Российской империей, затем СССР, Менхен не делает оценочных суждений, он хладнокровно констатирует факты: с одной стороны, урянхи отчасти встают на путь потери идентификации, «отказа от собственного культурного прогресса»⁶, с другой — обретают письменность, грамотность, книги, возможность учиться в советских вузах. Путешественник отмечает важную экзистенциальную деталь: параллельно прогрессу растет среди малых народов чувство страха и недоверия — ко всем, но особенно все боятся «агентов ГПУ». Устрашающие слухи и сопутствующий им страх дополнили и до Тувы, утверждает Менхен.

По его словам, он «был первым нерусским, переступившим границу Тувинской Республики»⁷. Сам ли Менхен формирует свои наблюдения или находится под влиянием Минцлова — мы не знаем, но он так же, как и его предшественник, вычленяет особую позу отдыхающих урянхов — сидение *на корточках*: тувинские солдаты на привале⁸, полуслепая старуха у юрты⁹. Менхен не пытается рефлексировать по этому поводу, объяснить причины такой «привычки».

Менхен, как и Минцлов, говорит о страхе-оцепенении, в которое он впадал, когда ему предлагалось угощение («Гостю предлагают трубку и пиалу молока в каждой юрте»¹⁰), ведь не только слухи говорили о повальном распространении сифилиса среди тувинцев, но и облик многих — с проваленным носом¹¹.

Помимо опасения заразиться, Менхена преследует еще и страх перед органами ГПУ: вдруг его материалы попадут к ним? Успев переправить через границу часть своих записей, те, что были при нем, он сопровождает церемониальными поклонами-приседаниями в сторону советской власти.

В отличие от травелога Минцлова, повествование Менхена менее пристрастно, претендует на академизм, но также не лишено ориентальных стереотипов (он все время подчеркивает «дикий вид» тувинцев). Помимо этого, Менхен, в отличие от Минцлова 1914 г., не может быть объективным — он зависим от контекста.

Вот один из фрагментов его повествования, в котором можно видеть и сарказм с иронией, а можно — при желании — и реализацию программы «социалистического строительства» — речь идет

¹ См. информацию о личности Отто Менхен-Хельфена в статьях: (Монгуш, 2012, 2014).

² См.: Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву ... С. 223.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 243. ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (1922–1923), далее переименовано в ОГПУ при СНК СССР; в обиходе продолжали говорить ГПУ.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Там же. С. 227. Отто Менхен-Хельфен был не один — «первых нерусских» было двое: Менхен и Карл Шмюкле (см.: Шафранская, Должикова, 2024).

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ Там же. С. 245.

¹¹ Там же. С. 245–246.

о подготовке будущей партийной тувинской элиты. То, чему учат молодых тувинцев, повергло меня в шок, пишет Менхен. Мир, по их системе, делится на Советскую Россию (Царство Света) и прочие страны (Царство Тьмы). То, что делают русские, — всегда хорошо, то, что делают другие, — всегда плохо. Автор приходит к выводу, что русским нужны не пытливые и мыслящие, а верноподданные и покорные служаки. Партия большевиков в глазах колонизированного народа имеет божественный ореол, а попытка размышлять, всегда ли эта власть совершает благие и правильные поступки, расценивается как преступление¹. (Вспоминается Ч. Айтматов, его бессмертный образ манкурта²).

Менхен делает обзор хозяйственной деятельности урянхов: низкий уровень земледелия («...тувинцы — кто угодно, но не земледельцы»³), при этом им не учитывается фактор, что способы хозяйствования зависят от условий географии и климата; зато отмечает высокий уровень, достигнутый в оленеводстве и охоте; как профессиональный этнограф и фольклорист описывает праздники тувинцев, танец с масками, ритуал шамана, а также предпочтительные в их кругу лакомства: например, в ритуальную часть празднеств входит тувинский сыр (*быштак* и *курут*). В этом ряду опять напрашивается сопоставление с прозой Каразина и собственным фольклором повседневности, где фигурирует *курут* (или более распространенная форма произношения — *курт*, пришедшая в современный русский язык с территории Средней Азии). В текстах Каразина курт часто спасает его героев от голода и потери сил (см. подробнее: Шафранская, 2016: 86–88). В мемуарах бывших заключенных и на просторах интернета можно встретить сюжет о курте: в одном из лагерей, входящем в систему КарЛага — Алжире⁴ (Акмолинском лагере жен изменников родины), умирающих от голода женщин стали «обстреливать» извне маленькими круглыми белыми камешками. Вохровцы⁵ решили, что местное население настолько ненавидит заключенных, что закидывает камнями, но кто-то из любопытства лизнул «камешек» и понял: это был спасительный курт⁶.

Описание встреченных Менхеном захоронений подобно погребению умерших у другого кочевого народа — каракалпаков (по наблюдению авторов статьи). Мертвых оставляют лежать в степи, — пишет Менхен, — на откуп хищным птицам и волкам; по тому, как быстро труп бывает объеден, — пишет он, — можно определить, плохим или хорошим был человек при жизни: хороших людей животные съедают быстрее⁷. Похоже в прошлом хоронили своих покойников каракалпаки, только с одним отличием: труп поднимали на могильник (например, на упомянутый выше Шылпык), спустя время обглоданные животными кости помещали для захоронения в оссуарии.

Ни один из путешествующих по Туве не обходится без упоминания *оваа*. Менхен описывает этот объект остраненно: опускает его метафизический смысл, называя просто грудой камней, которая все время растет: каждый проходящий мимо тувинец кладет в нее свой камень; из этой горки, — пишет Менхен, — торчат палки с привязанными белыми лентами. Все же, справедливости ради, он замечает, что среди *оваа* встречаются настоящие шедевры⁸. (Кстати, еще одно межкультурное сопоставление — приносить камешки на могилу усопшего у иудеев; о присутствии семитского влияния говорит Менхен в контексте происхождения письма⁹.)

Отдельный параграф своего текста Менхен называет «Литература»¹⁰, рассматривая в нем фольклор тувинцев (надо заметить эту методологическую ошибку — не Менхена, а тогдашней научной мысли:

¹ Там же. С. 250–251.

² Исследовательница Д. Т. Кудайбергенова глубоко размышляет над понятием *манкурт*, составлявшим одно из звеньев официальной советской идеологии: помнить лишь то, что велит власть, остальное забыть. «Идентичность» остается одной из главных «интеллектуальных уловок старого центра» (Кудайбергенова, 2020: 175). Ответом на эту советскую «скрепу» становится современное казахстанское искусство перформанса и живописи. Так, Кудайбергенова описывает творчество казахского художника Куаныша Базаргалиева, который «переписывает» классическое искусство, меняя портреты европейцев на казахов, создает серию работ «Когда все люди были казахские» — своеобразный ответ колонизатору и процессу русификации (см.: там же: 176–184). О подобном «рикошете «возвращенных» взглядов» пишет и М. Тлостанова (Тлостанова, 2004: 126–136).

³ Менхен-Хельфен О. Путешествие... С. 268.

⁴ АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины (на территории советского Казахстана).

⁵ Вохровцы — надзиратели, от аббревиатуры ВОХР (военизированная охрана).

⁶ Токаева А. История лагеря с экзотическим названием «АЛЖИР» и его узниц // ЦенрАзия. 2011. 20 мая. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1305867060> (дата обращения: 28.12.2023).

⁷ Менхен-Хельфен О. Путешествие... С. 278–280.

⁸ Там же. С. 289–290.

⁹ Там же. С. 321.

¹⁰ Там же. С. 300–304.

фольклор и литература — это разные виды культуры; фольклор — не ранняя фаза литературы, фольклор существует всегда параллельно литературе). Менхен высказывает субъективное суждение об отсутствии у тувинцев способности к творчеству: «...говорить о развитом воображении и фантазии не приходится»¹, в качестве аргумента выдвигая свое наблюдение об отсутствии у тувинцев героического эпоса и заимствованном генезисе тувинских сказок². И еще из «вердикта» Менхена: «Дефицит воображения у тувинцев здесь снова бросается в глаза»³, «Порой кажется, что тюркские народы все душевные силы и творческий порыв раздали своим шаманам»⁴.

Менхен пишет, что не одни тувинцы такие «бесплодные», якобы сказки других тюркских народов ничуть не лучше, якобы все прочие тюркские сказки — заимствования⁵. Скорее всего, Менхен не был в контексте исследований по фольклористике, его суждения отражают общекультурный стереотип, вписанный в ориенталистскую парадигму.

Итоговый аккорд травелога Менхена сродни рассмотренному выше тексту Минцлова: приводя в качестве аргументов старинные медные рудники, построенные много веков назад оросительные каналы, Менхен задается вопросом: что все это значит? Ведь тувинцы сами не строили ни каналов, ни крепостей, не высекали рисунки на скалах, не возводили курганы, не отливали котлов и не обтесывали камни — все это досталось им от другой цивилизации, стоявшей на высоком уровне развития⁶. Менхен считает, что это была цивилизация кыргызов⁷. «Происхождение тувинцев туманно и неопределенно»⁸, — австрийский ученый вбрасывает в академическое пространство множество вопросов, ответы на которые стали появляться только во второй половине XX и XXI вв., когда сформировалась научная отрасль — тувиноведение.

Э. Саид задается вопросом: как ориентализм воспроизводит себя от автора к автору, от эпохи к эпохе (Саид, 2021: 41)? Ответом может служить травелог Менхена: его гуманитарное исследование имеет политическую интенцию, тиражируя постулат, что «они» не способны ни делать, ни понимать ничего (там же: 35).

Говоря о книге Менхена, современный историк Н. М. Моллеров отказывает ей в исторической и фактической значимости: «Предвижу, что со временем, по мере розыска и введения в научный оборот новых, прежде всего документальных, источников, ее ценность будет снижаться»⁹, и абзацем ниже совершенно противоположное: «она еще долгое время будет востребована как учеными, так и политиками, и уже навсегда останется в мировой и отечественной историографии»¹⁰. Так, отказывая Менхену в научности и объективности, упрекая его в политизированности, наш современник, с академическими регалиями, сам транслирует далеко не научный дискурс. А книга Менхена — не трактат, а травелог, для которого характерен очерковый стиль, характеризующийся такими чертами, как ярко выраженная организующая роль авторского «я», свободная композиция, совокупность сюжетного рассказа и сценки, статистики, поучения и публицистики (Гордеева, 2003: 707–708). Очерк содержит рассуждения о социальных проблемах, играет познавательную роль (Поспелов, 1987: 263). Всем этим чертам соответствует «Путешествие в азиатскую Туву» Отто Менхен-Хельфена, создавшего образ Тувы рубежа 1920–1930-х годов, ценное свидетельство неангажированного очевидца.

¹ Там же. С. 302.

² Там же.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 315.

⁷ Там же. С. 322.

⁸ Там же. С. 319.

⁹ Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве // Люди и события Тувы: Календарь-хронограф 2016 / сост. Е. М. Аккыс; ред. Н. М. Моллеров. Кызыл: Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2015. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 28.

Заключение

Мы рассмотрели образ Тувы, сложившийся в первой трети XX в. в двух травелогах: один (Минцлова) опубликован в 1915 г. в Риге, второй (Менхена) в 1931 г. — в Берлине. Перевод книги Менхена с немецкого языка был сделан почти сразу, однако не для широкого читателя, а только для работников НКИДа¹. На Западе книга О. Менхен-Хельфена (наряду с трудом Д. Каррутерса «Урянхайский край») стала одной «из самых востребованных работ о Туве» (Монгуш, 2010с: 205).

В образе Тувы, созданном писателем С. Р. Минцловым, мы выявили реперные точки в рецепции Тувы. Будучи *terra incognita*, Тува открывается своей богатой природой, ритуальными жертвенниками (*авва/оваа*), особенностями быта, портретами несимпатичных автору своей «дикостью», невоспитанностью людей, артефактами былой неизвестной цивилизации, типологически родственными с деталями среднеазиатского быта и антропологическими характеристиками.

Анализируя образ Тувы, созданный историком О. Менхен-Хельфеном, мы вычленили те же паттерны, которые сложились у его предшественника Минцлова, за одним историко-контекстуальным отличием — в травелоге Менхена ощутимо присутствие новой власти, контролирующей, пока непрозрачно, все институты в Туве. Создается впечатление, что Менхен успел «унести ноги», чтобы уже из дома написать о своих «тувинских» впечатлениях и прогнозах.

Оба автора не поняли экзистенциальные составляющие тувинского народа, не отразили их культурную идентичность, определяющую неповторимость их этоса, свели культурные артефакты в основном к предметам быта, деталям внешнего мира, запечатлели ритуалы на уровне «игры», не уловив их онтологического смысла.

Наблюдения двух путешественников, авторов травелогов (Минцлова и Менхен-Хельфена), сформировали образ Тувы — экзотического места, куда можно отправиться в путешествие, чтобы почувствовать в себе «власть» (по концепции Саида), свое превосходство над «неразвитыми» тувинцами. Оба травелога (Минцлова и Менхена) относятся к колониальному периоду². В отличие от колониализма — исторического фактора, пишет М. Тлостанова, «колониальность является долговременным результатом, в котором мы существуем и по сей день» (Тлостанова, 2020: 72).

Так ли это в ситуации «по сей день»? Известный в русском интернете дизайнер, блогер и путешественник растиражировал свое впечатление о Туве в «Живом журнале», и в интервью, и на других интернет-платформах³ — мало того, что оно высказано с использованием обценной лексики, это впечатление ориенталистское по сути, причем находится на крайней точке рецептивной шкалы — презрительной и негативной. Почему? Подтверждается теория Э. Саида. Соотнесем ее с трактовкой, сделанной Тлостановой. По ее словам, имперскость базируется на иерархической природе колониальности, в основе которой лежит точка отсчета — степень близости к сердцу Европы (а ныне США) или удаленности (Тлостанова, 2020: 77). Иными словами, чем ближе к этой точке, тем «цивильнее», и, соответственно, наоборот. Теория спорная даже с географической точки зрения, однако вполне живучая в сознании обывателя.

Что же делать? Перефразируя фразу Чехова, выскажем свое видение: выдавливать из себя ориенталиста — это непростой и длительный процесс.

¹ НКИД — Народный комиссариат иностранных дел; второй раз перевод осуществлен для антологии «Урянхай. Тыва дептер» (Урянхай. Тыва ..., 2007–2008).

² Возражает, вопреки исторической правде, исследователь Н. М. Моллеров; анализируя травелог Менхен-Хельфена, он пишет об авторе: «Так, например, “независимую Туву” он назвал “советской колонией”. Тем самым он противоречиво соединил совершенно противоположные характеристики — государственную независимость и колониальную зависимость. Согласитесь, что такие логические кульбиты сейчас очень характерны для современных либеральных политиков» (Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве... С. 27).

³ Речь идет об Артемии Лебедеве, см., напр.: Дизайнер Артемий Лебедев назвал Туву худшим местом в России // Новости общества Красноярска и Красноярского края. 2017. 6 декабря. URL: <https://newslab.ru/news/806734>, а также интервью в ютубе. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12109484742979286914> (дата обращения: 09.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баба, Х. (2020) Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса : пер. с англ. Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 29–37.
- Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2023) Социокультурные особенности современного тувинского общества // Вестник РУДН. Серия: «Социология». Т. 23. № 1. С. 188–195. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195>
- Бахтикиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е., Амалбекова, М. Б. (2023) Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. № 4. С. 226–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>
- Гарипова, Г. Т., Шафранская, Э. Ф. (2023) Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturные практики. № 3. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>
- Гарипова, Г. Т., Шафранская, Э. Ф., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>
- Гордеева, Е. Ю. (2003) Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак. 1597 стб. Стб. 707–709.
- Кудайбергенова, Д. Т. (2020) Призраки, манкурты и прочее: «постколониальное» искусство Центральной Азии : пер. с англ. Н. Михайлина // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 175–198.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 237 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Монгуш, М. В. (2010a) Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 203–237.
- Монгуш, М. В. (2010b) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей этнологии. 369 с.
- Монгуш, М. В. (2010c) Тува век спустя после Каррутерса и Менхен-Хельфена. Осака : Национальный Музей этнологии. 212 с.
- Монгуш, М. В. (2012) История австрийского сиолога: К вопросу о научном туризме // Сервис в России и за рубежом. № 4. С. 133–143.
- Монгуш, М. В. (2014) Кызыл глазами австрийского ученого Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 3. С. 166–171.
- Пильский, П. (2022) С. Р. Минцлов. Жизнь, личность, труды: Критико-биографический очерк // С. Р. Минцлов. То, чего мы не знаем / сост. И. Л. Великодная, Л. Н. Мараховская. М. : Арт. Собрание. 180 с. С. 7–51.
- Поспелов, Г. Н. (1987) Очерк // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия. 752 с. С. 263–264.
- Савицкий, Е. (2020) Как купец Калинин в Вене в 1882 году самоедов показывал: покорность и сопротивление «все равно что животных» // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 124–139.
- Саид, Э. (2021) Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. М. : Музей современного искусства «Гараж». 560 с.
- Стил, Э. Дж., Линдли Р. А., Бландэн Р. В. (2002) Что, если Ламарк прав? Иммуногенетика и эволюция / пер. с англ. О. В. Кузнецовой; под ред. Л. А. Животовского. М. : Мир. 237 с.
- Тлостанова, М. В. (2004) Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М. : Едиториал УРСС. 416 с.
- Тлостанова, М. (2020) Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 66–84.
- Тувинцы: Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.
- Урянхай. Тыва дептер (2007–2008) Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / редкол.: К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. М. : Слово.

Хирш, Ф. (2022) Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М. : Новое литературное обозрение. 473 с.

Четырова Л. Б., Сахаров А. С. (2023). Травелог в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Шафранская, Э. Ф. (2016) Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб. : Свое издательство. 370 с.

Шафранская, Э. Ф. (2017) Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 1. С. 22–29.

Шафранская, Э. Ф. (2019) Каразин! Азия! // Каразин Н. Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э. Ф. Шафранская; отв. ред. Б. Ф. Егоров. М. : Наука. 629 с. С. 525–596.

Шафранская, Э. Ф. (2020) О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 291–306.

Шафранская, Э. Ф., Должикова, А. В. (2024) Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 1. С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Said, E. W. (1978). *Orientalism*. New York : Vintage Books. 368 p.

Дата поступления: 20.12.2023 г.

Дата принятия: 20.01.2024 г.

REFERENCES

Bhabha, H., (2020) *Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse*: Transl. from the English by D. Timofeev. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 29–37. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2023) Social-cultural features of the contemporary Tuvan society. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no. 1, pp. 188–195. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195>

Bakhtikireeva, U. M., Shagingereyeva, B. E. and Amalbekova M. B. (2023) Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 226–236. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. (2023) The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 497–514. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897x-2023-20-3-497-514>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) Roman Senchin: The poetics of Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Gordeeva, E. Yu. (2003) Essay. In: *Literary Encyclopedia of Terms and Concepts*, ed. by A. N. Nikulyukin. Moscow, Inteltvak. 1597 p. Pp. 707–709. (In Russ.).

Kudaibergenova, D. T. (2020) Ghosts, Manqurts, and More: The ‘Postcolonial’ Art of Central Asia: transl. by N. Mikhailina. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 175–198. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The National Character of Tuvans*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History. 237 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) *Essays on Modern Tuvan Culture*. St. Petersburg, Nestor-History. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people’s identity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Monguh, M. V. (2010a) Foreign researchers of Tuva: A brief review. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 203–237. (In Russ.).

Monguh, M. V. (2010b) *One nation, three destinies: Tuvans in Russia, Mongolia, and China in comparative context*. Osaka, National Museum of Ethnology. 369 p. (In Russ.).

Monguh, M. V. (2010c) *Tuva a century after Carruthers and Menkhen-Khel’fen*. Osaka, National Museum of Ethnology. 212 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2012) The history of Austrian sinology: On the topic of scientific tourism. *Service in Russia and Abroad*, no. 4, pp. 133–143. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2014) Kyzyl through the eyes of Austrian scientist Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 166–171. (In Russ.).

Pilsky P. (2022) S. R. Mintslov: Life, Personality, Works: A Critical and Biographical Essay. In: *Mintslov S. R.: What We Don't Know*, ed. by I. L. Velikodnaya and L. N. Marakhovskaya, Moscow, Art. Sobranie. 180 p. P. 7–51. (In Russ.).

Pospelov, G. N. (1987) An essay. In: *Literary encyclopaedic dictionary*. Ed. by V. M. Kozhevnikov and P. A. Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia. 752 p. Pp. 263–264. (In Russ.).

Savitsky, E. (2020) As a merchant, Kalintsov showed in Vienna in 1882: submission and resistance are like animals. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 124–139. (In Russ.).

Said, E. (2021) *Orientalism*. Ed. by by A. R. Ihsanov. Moscow, Garage Museum of Modern Art. 560 p. (In Russ.).

Steele, E. J., Lindley, R. A., and Blandin, R. V. (2002) *What if Lamarck is right? Immunogenetics and Evolution*. Transl. from the English by O. V. Kuznetsova, ed. by L. A. Zhivotovsky. 2nd ed. Moscow, Mir. 237 p. (In Russ.).

Tlostanova, M. (2020) Postcolonial Destiny and the Decolonial Choice: Post-Socialist Mediation. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 66–84. (In Russ.).

Tuvans: Native People (2022) / Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suwandii. St. Petersburg, Nestor-History. 360 p. (In Russ.).

Urian Hai. Tuvan notebooks (2007–2008). An anthology of scientific and educational thoughts about the ancient Tuvan land and its people, Uriankhai, Tannu-Tuva and the antiquities in Tuva from the second millennium BC to the second half of the 20th century : in 7 volumes / ed. by K. D. Arakchaa and K. S. Shoigu. Moscow, Slovo. (In Russ.).

Hirsch, F. (2022) *Empire of Nations: Ethnographic. Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Transl. from English by R. Ibatullina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 473 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Shafranskaya, E. F. (2016) *The Turkestan Text in Russian Culture: The Colonial Prose of Nikolai Karazin*. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 370 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2017) Liars and Dreamers as a Pattern of Local Texts of the Twentieth Century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, Philology. Theory of Language. Language Education*, no. 1, pp. 22–29. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2019) Karazin! Asia! In: Karazin N. N. *On the Far Outskirts. The Pursuit of Profit: Novels*. Prep. by E. F. Shafranskaya, ed. by B. F. Egorov. Moscow, Nauka. 629 p. Pp. 525–596. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2020) On Russian Orientalism, the Russian World in Colonial Literature and their Reinterpretation in Post-Colonial Literature. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no.1 (161), pp. 291–306. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. and Dolzhikova, A. V. (2024) Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 135–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Said, E. W. (1978) *Orientalism*. New York, Vintage Books. 368 p.

Submission date: 20.12.2023.

Accepted date: 20.01.2024.